

УДК 81'37,81'42

UDC

DOI: 10.17223/23451734/3/6

ПЕРЦЕПТИВНОСТЬ КАК ИДИОСТИЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ЧЕШСКИХ И РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ О. БРЖЕЗИНЫ И К. БАЛЬМОНТА)

С. Корычанкова¹, Л.Б. Крюкова²

¹ Университет им. Масарика, Чехия, 60300, г. Брно, Поржичи, 9

² Национальный исследовательский Томский
государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: korycankova@ped.muni.cz

² E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Авторское резюме

В статье перцептивность, языковая и речевая интерпретация наблюдаемости, рассматривается как одна из ключевых характеристик творчества поэтов-символистов. Перцептивный образ, вербализуя авторское понимание строения мира и вселенной, одновременно является типичным приемом символистской поэтики. Исследование выполнено в русле семантического и коммуникативного подходов к изучению текстового пространства с использованием методики лингвистического и сопоставительного анализа поэтических текстов. Материалом для статьи стали стихотворения О. Бржезины и К. Бальмонта. Основная задача лингвистического анализа – определение идиостилевого статуса языковых средств с перцептивной семантикой (лексических, синтаксических, стилистических). Сопоставительный анализ оригинального и переводного текста подтверждает значимость перцептивной составляющей в семантической организации художественного произведения. Особое внимание уделяется синестетическим сочетаниям и перцептивным метафорам. В результате исследования выявлены структурные и семантические трансформации перцептивных образов, обусловленные эстетическими и лингвистическими факторами.

Ключевые слова: символизм, перцептивность, синестезия, поэтический текст, лингвистический анализ, семантика.

PERCEPTIVITY AS THE AUTHOR'S INDIVIDUAL STYLE IN THE POETRY OF CZECH AND RUSSIAN SYMBOLISTS (A CASE STUDY OF O. BŘEZINA AND K. BALMONT)

S. Korychankova¹, L. Kryukova²

¹ Masaryk University

⁷ Porici, Brno, 603 00, Czech Republic

² National Research Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

Abstract

In the article perception, language and speech interpretation of observability, is considered as one of the key characteristics of works of the Symbolist poets. Perceptive image verbalizes author's understanding of the structure of the world and the universe, at the same time the reception is the typical technique of symbolist poetics. The research was performed in the line as the semantic and communicative approaches to the study of the text area using the methodology of linguistic and comparative analysis of poetic texts. The materials for the study were poems O. Brezina and K. Balmont. The main objective of linguistic analysis is to determine author's style status of linguistic resources with perceptive semantics (lexical, syntactic and stylistic). Comparative analysis of the original and translated text confirms the importance of perceptual component in the semantic organization of the work of art. Particular attention is given to the synesthetic world phrases and perceptual metaphors. The study revealed the structural and semantic transformation of perceptual images caused by esthetic and linguistic factors.

Keywords: symbolism, perception, synesthesia, poetic text, linguistic analysis, semantics.

Символизм как литературное направление является одним из доминантных этапов развития мирового искусства в XX в. и рассматривается как основа «новой поэзии», у истоков которой стоят Эдгар По, Бодлер, Верлен, Рембо, Метерлинк, Верхан. Русские и чешские символисты, являясь последователями европейских концепций, опираются при этом на собственные национальные литературные традиции. В России и Чехии были теоретики и критики символизма, обосновавшие эстетическую и философскую позиции (в России – В. Соловьёв, В. Брюсов, в Чехии – А. Прохазка, Ф. Шальда и др.). Общей

чертой, объединявших чешских и русских символистов, стало неприятие своей эпохи, трагическое мироощущение. Одним из важных отличий – восприятие реальной действительности и ее отражение в поэтическом творчестве (Бржезина 2012: 457).

Перцептивность (языковая и речевая интерпретация наблюдаемости или других разновидностей восприятия человеком окружающего мира) традиционно рассматривается как одна из ключевых характеристик творчества европейских поэтов-символистов, принявших тезис Артура Шопенгауэра: «Мир есть мое представление». Краски и звуки, вербализуемые в художественном произведении, становятся символами, характеризующими определенные душевные состояния.

Символика образов, выраженных, например, лексемами звучания *музыка, оркестр, звук, тишина*, передает динамику перехода между земным и небесным миром. В цветовом спектре отражаются признаки отдельных уровней человеческого просвещения и контакта с запредельным, трансцендентным: колебания от темных тонов, символизирующих повседневную, трудную, земную реальность: *темные тучи, черный день, седой туман*, к просветленным и светящимся: *голубой туман, ангелы белые*.

Сияние и всеобъемлющая сила света – один из основных принципов изображения строения мира и вселенной. Чередование образов света и тьмы является типичным приемом символистской поэтики. Например, в стихотворении В. Соловьёва: *Пусть тьма житейских зол опять нас разлучила, / И снова счастья нет, – / Сквозь тьму издалека таинственная сила / Мне шлет твой тихий свет* (Соловьёв 1994: 386).

Одним из ярких представителей чешского символизма является Отокар Бржезина, творчеством которого в 1920-е гг. увлекся русский поэт-символист К. Бальмонт, составивший в 1931 г. антологию «*Душа Чехии в слове и деле. Поэтические оценки и образцы*». В очерке «*Поэт кристаллический: Отокар Бржезина*» К. Бальмонт пишет: «...я, славянин, русский, чувствую, что узнаю самого себя в славянине, поляке Яне Касперовиче и в славянине, чехе Отокаре Бржезине. И не только это. Я хочу сказать, что мы славяне, когда поем о том же, о чем поет англичанин или американец, француз или немец, мы поем звучнее и более вольно, мы поем сердечнее и, не впадая в ограниченность точной размеченности» (Бальмонт 2012: 446).

Целью предлагаемой статьи является исследование языковых средств выражения перцептивной семантики и определение их

идиостилевого статуса в творчестве поэтов-символистов О. Бржезины и К. Бальмонта.

Акцентируя внимание на идиостилевом аспекте исследования, мы опираемся на определение Н.С. Болотновой, которая отмечает, что идиостиль автора «отражается как в характере заключенной в тексте информации, так и в формах ее языковой репрезентации на уровне структуры, семантики и прагматики текста <...> проявляется в способах эстетической актуализации ключевых слов, в их семантических и эстетических трансформациях на уровне текстовой парадигматики и синтагматики в соответствии с коммуникативной стратегией автора и его интенцией» (Болотнова 2008: 38).

Для достижения поставленной цели используется методика лингвистического анализа художественного текста (лексический и синтаксический уровни), а также сопоставительный семантический анализ (оригинальный текст, подстрочный и поэтический перевод).

Материалом для анализа стали поэтические тексты О. Бржезины и К. Бальмонта. Особое внимание уделяется стихотворениям чешского поэта, переводы которых были сделаны К. Бальмонтом и вошли в очерк «Поэт кристаллический: Отокар Бржезина» (Бальмонт 2012: 439–447).

Для О. Бржезины характерна глубокая и всесторонняя чувственность, тесно связанная с мыслительной деятельностью. Чешский лингвист Й. Филипец¹ подчеркивает значимость перцептивной составляющей в творчестве поэта и отмечает, что от импрессионистских стихотворений с оттенками седого и красного цветов О. Бржезина переходит к комбинированию смысловых впечатлений (Filipec 1969: 11).

«Motiv z Beethovena»

Ó pověz, **necítíš**,

*jak noci narkosou **dech** unaven se úží?*

A **lehký šumot** snů jak letěl kolem nás

a **úsměv jasmínů** a **bázlivý dech růží**

do **vání křidel** svých ze

svého šatu třás'?

О, скажи, ты **не чувствуешь**,

как ночи наркозом **дыхание**

уставшее сужается?

«Мотив из Бетховена»

Слышишь ли ты,

Как ночь плетет в тиши

тузюю паутину

под **безмятежный шорох**

отлетевших снов,

под **шепот роз** и робкий

смех жасмина,

под **слабый трепет крыл** и звук

забытых снов?

Перевод В. Каменской²

Примеры синестетических сочетаний встречаются во многих стихотворениях О. Бржезины, в ряде случаев они являются средством смысловой суггестивной образности:

«Lítost»

*Kdo nadýchal mrazem v tá okna
a zamlžil **čisté zpívání barev?**;*

«Жалость»

*Kto дышал морозом в окна мои
и затуманил **чистое пение цветов?***

«Ranní modlitba»

*...a zbytek dne ať ztrávím pohroužen,
němý, ve věčnou hudbu tvých světél*

«Утренняя молитва»

*...и остаток дня пусть проведу
углубленный, **немой, в вечной музыке**
твоих **светил.***

«Скорбь»

*Кто мне в окна морозом дохнул,
омрачив **красок чистую песню?***

Перевод М. Федоровой

«Утренняя молитва»

*...и остаток дня провести,
немотствуя и погружаясь
в **музыку лучей** Твоего **света.***

Перевод О. Малевича

М. Кутанова отмечает, что примером типичного для поэта перцептивного образа может служить первый стих стихотворения «Zpívala». Это пролог, который вводит атмосферу конца, изменчивости, непостоянности человеческого земного странствия, меланхолии мгновения, но без трагического напева. За смысловым богатством поэтических образов, кроме своеобразного авторского стиля, можно увидеть и декоративность символистской и модернистской эстетики (Kuthanová 2007: 135).

«Zpívala»

***Uhasly květy šafránu a hořce voní chlad,**
je večer, bratr večera, jenž do tváří
nám tehdy zavíval.
V té chvíli nejmilejší můj vycházel
do zahrad
a sladká slova nezapomenutelná
mi mluvíval.*

«Так она пела»

*Отцвел шафран – брат вечера
– и гордо угасал,
и терпко **пахла горечью**
вечерняя **прохлада.**
И мне слова сладчайшие
любимый мой шептал,
и клятву незабвенную
хранит молчание сада.*

Перевод О. Малевича

(Она) пела

*Угасли цветы шафрана и горько пахнул
холод,*

*Наступил вечер, брат вечера, который
в лицо нам тогда веял.*

*В тот момент любимый мой выходил
в сад*

*И сладкие слова забываемые мне
говорил.*

Если обратиться к творчеству К. Бальмонта (Бальмонт 2003), то необходимо, в первую очередь, отметить, что он является одним из известных практиков и теоретиков синкретизма в русской поэзии. Посредством перцептивных метафор поэт-символист стремится выразить в стихотворении чувство, которое владеет им в настоящий момент, описать различные сферы человеческого существования (эмоциональную, физическую, интеллектуальную). Синестетические сочетания в поэзии К. Бальмонта могут быть классифицированы в зависимости от того, какие межсенсорные ассоциации лежат в основе метафорического переноса, при этом преобладание зрительно-слуховых образов очевидно:

«На вершине»

*И слышал я **сагу седую**,
Пропетую Гением гор,
Я видел Звезду Золотую,
С безмолвием вел разговор.*

*Твой **смех** прозвучал, **серебристый**,
Нежней, чем **серебряный звон**, –
Нежнее, чем ландыш душистый,
Когда он в другого влюблен.*

«Лесная лилия»

*Безбольно мечтает и любит она
Над влагой глубокой ночного
затона.
Безмолвно белеет, и вот в полусне
Ей видится неба простор
бесконечный...*

*«Бледный воздух»
Звезды – вечные души.
Звезды свечи зажгли.
Вот все глуше и глуше
Темный ропот земли!*

В поэтических текстах К. Бальмонта на основе конкретно-чувственного восприятия рождаются наглядность и метафоричность поэтических образов. Например, *Сквозь черную сетку стволов и*

ветвей / Редкое кружево листьев зеленых / Я вижу как серый поет соловей / И вижу я песню в чуть зримых уклонях. Языковые единицы с перцептивной семантикой выполняют смыслообразующую и текстообразующую функции. Например, в стихотворении «Я слышу» каждая строфа начинается с перцептивного глагола, определяющего «модус восприятия»:

*Я слышу гуд тяжелого шмеля,
Медлительный полет пчелы,
несущей*

*Добычу, приготовленную пущей,
И веет ветер, травы шевеля.*

*Я вижу урожайные поля,
Чем дальше глянь, тем всходы
видишь гуще.*

*Идет прохожий, взор его
нелгуций,
Благой, как плодородная земля.*

*Я чую, надо мною реют крылья.
Как хорошо в родимой стороне!
Но вдруг душа срывается в бессилье.*

*Я слышу, вижу, чувствую – во сне.
И только брызг соленых изобилье
Чужое море мчит и плещет мне.*

Исследователи отмечают некоторое типологическое сходство русских поэтов-символистов: Бальмонта, Белого, Вяч. Иванова, Балтрушайтиса с О. Бржезиной (Бржезина 2012: 462). Именно К. Бальмонт одним из первых в России перевел на русский язык стихотворения чешского символиста.

Критикуя перевод стихотворения «Братство верящих», О. Бржезина подчеркивал значимость перцептивной составляющей: «Нельзя ограничиваться словарем, ибо речь изменяется, волнуется как море, растет – словари устаревают. Есть поэты зрения и поэты слуха; Бальмонт предстает в этом переводе поэтом слуха, но для моих стихов этого недостаточно. Речь – это не только понятия, но и краски и летучие ароматы, мгновенная стыдливость, румянец, всего этого не найдешь в словарях» (Бржезина 2012: 486). Приведем отрывок из текста:

*О. Březina «Bratrství věřících»
Na našich loukách ležela **vůně všech
květů, sladěná v jeden složitý akord,
a světla našich duší, nalitá v jediný***

*К. Бальмонт «Братство верящих»
На наших лугах – **всех цветов
благовонья** лежали,
Ладом в **единый сливавшись созвук.***

*plápoľ, odĕla barvami neviditeľné
a hlasem všetch našich spojených vôľí
nám v zázračné zahrady rozkvetly síly.*

*На наших лугах лежало **благоухание
всех цветов, сложенных в один
сложный аккорд,***

*и **свет** наших душ, слитый в един-
ственное **пылание, одел цветом
невидимое и голосом** всех наших
соединенных волей в чудотворном
саду расцвели силы.*

*Душ наших **светы, в пылание
слившись единое,***

***Красками рдели** невиданными,
А **голос** всех наших спаянных волей
Расцветил нам в волшебных садах
небывалые силы.*

Ключевой идиостилевой характеристикой поэзии О. Бржезины является развернутая метафора. Его поэзию М. Погорский характеризует как «висячие сады метафор, экстазов и грез» (Pohorský 2004: 107–114). Так как перцептивные метафоры представляют собой необычайную трудность в процессе перевода, то сопоставительный анализ оригинальных текстов О. Бржезины и их поэтических переводов на русский язык, сделанных К. Бальмонтом (в контексте оригинального творчества русского поэта-символиста), является одним из способов выявления сходства и различия перцептивной картины мира двух поэтов.

Например, сопоставительный анализ оригинального текста стихотворения «Pohled Smrti» и перевода, выполненного К. Бальмонтом, показал практически полное («детальное») сходство четвертой строфы: *вечный простор холодов – věčných prostorů chlad*. В оригинальном тексте тактильное (осязательное) восприятие представлено глаголом *обнимать / укутывать (spínal)*; в переводе глагол отсутствует, но появляется предикативное словосочетание *наброшен покров* (ср. у Ф. Тютчева – *покров брошен золотканый*).

О. Březina «Pohled Smrti»

К. Бальмонт «Взгляд смерти»

4. Úzkosť nejistoty **tuhla** jí v tvář
a věčných prostorů **chlad**
na zmučené údy **spínal** jí, umdlené,
kovový šat.

В лицо ей **сомнение дышало**
испугом и **вечный простор холодов,**
Но **кованый, крепкий** на **хрупкое**
тело всегда был брошен покров.

Тревога сомнения застывала на ее лице, и вечных просторов холод на измученных конечностях укутывал ее, ослабленную, как металлическая одежда.

5. *V záhyby mizících tvarů mlhami
ze zraků tvých,
jak z květu mystického stromu střásal
se přívalem sních,*

*В загибы исчезающих форм
туманов из очей твоих,
Как из цветка мистического дерева
сотресался наваленный снег,*

*В загибы теней, уходящих из мраков,
из зрака, где сказочный брег,
Как цвет непонятного древа,
порывно спадал и метелился снег.*

6. *a houstl a temněl, zář do sebe
vpíjel a šlehal a vál,
na ranách mé myšlenky jak v narudlých
plamenech tál.*

*и густел, и темнел, сияние в себя впи-
вал, и хлестал, и веял, на ранах моей
мысли как в багряном пламени таял.*

*Густел и темнел он, впил в себя
зори и бился в проворных струях,
А где в моих мыслях иссечены
шрамы, он таял в багряных огнях.*

В русском языке прилагательное *кованый* (*ковову*) имеет несколько значений, одно из которых мотивируется глаголом *ковать* («изготовленный посредствомковки»), другое связано с металлом / железом («обитый полосами железа»). Близкий по смыслу глагол *сковать* имеет переносное значение – «заморозив, сделать твердым (землю, грязь и т. д.) или покрыть льдом (реку, озеро и т. п.)». Можно предположить, что переводчик опирался, с одной стороны, на общую глагольную мотивацию и наличие соответствующих прилагательных в русском и чешском языках, с другой – на очевидную для носителей русского языка связь прилагательного *кованый* с приведенным выше метафорическим значением, обусловленным контекстом (*вечный простор холодов*). В чешском же языке такие ассоциации и семантические наращения отсутствуют.

В пятой строфе репрезентировано зрительное восприятие. В русском языке *зрак* – устаревшее слово, обозначает *взгляд / взор*, в чешском возможно использование в значении *глаза* и *взор*. При

этом лексема *zraku / зрение* (вместо *oči / глаза* или *pohled / взгляд*) также является поэтической, устаревшей. В последней строчке строфы в переводе К. Бальмонта явно просматриваются идиости-левые особенности его поэзии *порывно спадал и метелился снег* (ср. р у ч ь я т с я журч а н ь я с в и р е л и в л ю б л е н н о й).

В шестой строфе отсылка к *взгляду* осуществляется посредством глагола *впивал / vpijel* («вбирать в себя; выпитывать»). В оригинальном творчестве К. Бальмонта есть строки: *И сладко плачу, и дышу – Луной. / Впиваю это бледное сиянье.*

В очерк К. Бальмонта кроме переводов стихотворений «Pohled Smrti» («Взгляд смерти») и «Bratrství věřících» («Братство верящих») вошли «Nálada» («Настроение»), «Zapomenutí» («Забвение»), «Jsem jako strom v květu...» («Я как дерево в цветущем») и некоторые другие.

Например, сопоставительный анализ оригинального и переводного текста стихотворения «Nálada» свидетельствует о репрезентативности всех типов чувственного восприятия:

O. Březina «Nálada»

К. Бальмонт «Настроение»

*Šum žárem umdlený na větve tíhou naleh’
a visel bez hnutí, co v teskných intervalech
Шум, уставший от жары, на ветви
тяжестью налег
и висел без движения, как в тоскливых
промежутках.*

На ветви тягой лег, смягченный
зноем, шум,
Недвижный, он висел, как зыбь
тоскливых дум

...

*Květ slunce přezrálý do bílých žárů svadal,
v šer haluzí se třás’ a modrým listím padal
Цвет солнца, перезревший до белого
жара, увядал,
в сумерках ветвей трясся и голубой
листвой падал.*

Цвет солнца, перезрев,
до белизны дотлел
И в голубой листве нашел
себе предел,

...

*v tich apatických něté vysílení, v mechu
se rozdoutnal, a lázní tajemného dechu
mne mdlobou kolébal, jak pod vlnami
krev z otevřených žil by tiše řinula mi.
в тишину бесстрастного немого
обессиленья, во мхе*

И, в обессиленьи бесстрастия
немого,
Как пар, вдыхал я жардыханья
огневого.

разгорелся, и в ароматном

паре тайного дыхания

*меня обморок колыхал,
как будто волнами,
кровь из открытых вен тихо бы
лилась моя.*

Не останавливаясь на анализе отдельных образов, обратим внимание на отсутствие в переводе Бальмонта последней строфы, в которой речь идет не просто о смерти, а о самоубийстве: *krev z otevřených žil*. Ощущения лирического героя, уходящего из жизни, в оригинале не окрашены в мрачные тона. Поэт рисует картину постепенного перехода из одного состояния в другое. Специфика языковой репрезентации создаваемого образа в чешском варианте вызывает приятные ощущения: *lázní tajemného dechu, kolébal, jak pod vlnami*. Уход из жизни воспринимается как переход в другой мир и начало нового «пути».

Д. Кшицова пишет: «С безошибочной поэтической интуицией он (Бальмонт. – С.К., Л.К.) умеет определить, какой элемент текста является основополагающим, главным, и именно его стремится передать с максимальной точностью. В остальном он переводит достаточно вольно. Например, он опускает два последних стиха в стихотворении Бржезины “Настроение”, ибо они не отвечают его собственному жизнеутверждающему мироощущению» (Kšicova 2001: 37–40).

В период творческого подъема для Бальмонта характерна оригинальная тема, выделяющая его в поэзии раннего символизма, – тема животворящего Солнца, мощи и красоты солнечных весенних стихий, к которым художник чувствует свою причастность: *Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце / И синий кругозор...* Несмотря на то что «солнечное восприятие мира» в творчестве поэта осложнено ощущением тоскливого одиночества души, идея самоубийства (как перехода в иной мир) для него является чуждой.

Таким образом, проведенный анализ стихотворений О. Бржезины и К. Бальмонта позволяет говорить о том, что перцептивность является одной из ключевых характеристик их поэтического творчества. Об идиостилевом статусе языковых средств выражения перцептивной семантики свидетельствуют следующие факты:

1. Наличие большого количества перцептивных метафор и синестетических сочетаний (в том числе и индивидуально-авторских) в оригинальном творчестве чешского и русского поэтов-символистов.

Усиление или ослабление перцептивной составляющей в процессе перевода, введение новых художественных образов (например, появление образа свечи в переводе стихотворения «Взгляд смерти», отсутствующего в оригинале).

2. Четко выраженная взаимосвязь между перцептивным и когнитивным компонентом семантики поэтического произведения (например, О. Бржезина «Взгляд смерти», «Агония тоски» и др., К. Бальмонт «Та, которою движутся звезды», «Прости!» и др.). Сопоставительный анализ подтверждает, что использование лексических единиц близких по семантике и звучанию в произведениях русского и чешского поэтов имеют различные оттенки значения, обусловленные культурно-исторической традицией (например, *кованный*).

4. Использование глагольной перцептивной лексики в творчестве О. Бржезины и К. Бальмонта свидетельствуют, с одной стороны, о «вписанности» в европейскую поэтическую традицию, с другой – о репрезентации индивидуально-авторских особенностях мировосприятия (например, *метелился* у Бальмонта, *žiravý / жирающий, galvanismem / сильным воздействием* у Бржезины).

5. Наиболее яркие особенности вербализации перцептивной семантики представлены на синтаксическом уровне, что обусловлено существенными различиями в синтаксическом строе русского и чешского языков. Сопоставительный анализ оригинального и переводного текста свидетельствует о различных типах трансформаций: в первую очередь, это качественное изменение типа синтаксической конструкции (активная / пассивная), изменение синтаксических отношений в рамках словосочетания (например, управление / согласование), замена глагольных форм описательными оборотами. Синтаксические трансформации в ряде случаев ведут к преобразованию семантического пространства всего произведения.

6. Перцептивность как идиостилевая характеристика является одним из средств проявления авторской эстетической концепции. Для Бржезины Жизнь и Смерть представляют одно целое космической образности, реализованной посредством изображения вечного изменения, движения, возникновения и распада нового качества жизни. Для К. Бальмонта ключевым является процесс творчества, сиюминутное чувство, «всеобъемлющее» восприятие мира, самовыражение.

7. Для символизма типично образование богатых метафорических образов, основанных на чувственном восприятии. Разновидность и богатство перцептивных ощущений, наличие мотивов света, звука, холода, сладости и др. характеризуют поэтическую картину мира символистов. О неотделимой внутренней связи символизма и перцептивности писал А.Н. Уайтхед. В книге «Символизм, его смысл и воздействие» (Whitehead 1985: 88) он задумывается над вопросом чувственного восприятия и вызванной им в реципиенте эстетической эмоции. Уайтхед приводит примеры эмоционального воздействия звуковых волн, которое символически переносится на звуковую перцепцию. Также восприятие цвета и светового спектра всегда вызывает у человека эмоциональный отклик. Все разновидности чувственного восприятия, его символическое выражение и эмоциональное воздействие представляют теоретическую основу эстетики искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Перевод с чешского языка (цитирование работ исследователей и подстрочник) Симоны Корычанковой.

2. Оригинальные стихотворения О. Бржезины цитируются по сборникам стихотворений (Vřezina 1895, Vřezina 1975), переводы К. Бальмонта, В. Каменской и О. Малевича по книге (Бржезина 2012).

ЛИТЕРАТУРА

Бальмонт 2003 - *Бальмонт К.* Избранное. М.: Эксмо, 2003. 640 с.

Бальмонт 2012 - *Бальмонт К.* Поэт кристаллический: Отокар Бржезина // Бржезина О. Строители храма: Собр. соч. СПб.: Изд-во Н.И. Новикова, 2012. С. 439–448.

Болотнова 2008 - *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста. Словарь тезаурус. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.

Бржезина 2012 - *Бржезина О.* Строители храма: Собр. соч. / Сост. О.А. Малевич ; Пер. с чеш. СПб.: Изд-во Н.И. Новикова, 2012. 504 с.

Vřezina 1975 - *Vřezina O.* Básnické spisy. Praha: Československý spisovatel, 1975. 244 s.

Vřezina 1895 - *Vřezina O.* Tajemné dálky. Praha: Moderní revue, 1895. 43 s.

Filipec 1969 - *Filipec J.* K jazyku a stylu Otokara Březiny, II // Naše řeč, ročník 52 číslo 1, 1969. S. 11–22.

Kšicová 2001 - *Kšicová D.* Z dějin rusko-českých literárních vztahů: K. D. Balmont. Duše Českých zemí v slovech a činech / Vydání, překlad, studie, komentář Danuše Kšicové. Masarykova univerzita. Brno, 2001. 339 s.

Kuthanová 2007 - *Kuthanová, M.* Imaginace prostoru v Březinově poezii // Svět literatury, roč. XVII, č. 35. 2007. S. 126–138.

Pohorský 2004 - *Pohorský M.* Visuté zahrady metaphor, extázi a snů // Březina O. Tajemné dálky. Blansko, 2004. S. 107–114.

Соловьёв 1994 - *Соловьёв В.С.* Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». СПб.: Худ. лит., 1994. 528 с.

Whitehead 1985 - *Whitehead A.N.* Symbolism, Its Meaning and Effect. Barbour-Page Lectures, University of Virginia 1927. N.Y.: Fordham University Press, 1985. 88 s.

REFERENCES

Balmont, K. (2003) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Eksmo Publ.

Balmont, K. (2012) Poet kristallicheskiy: Otokar Brzhezina [The Crystal Poet: O. Březina]. In: Březina, O. *Stroiteli khrama* [The Builders of the Temple]. Translated from Czech. St. Peterburg: N.I. Novikov. pp. 439-448.

Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta. Slovar tezaurus* [Communicative stylistics of text. Dictionary thesaurus]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

Březina, O. (2012) *Stroiteli khrama* [The Builders of the Temple]. Translated from Czech. St. Peterburg: N.I. Novikov Publ.

Filipec, J. (1969) K jazyku a styju Otokara Březiny [On the language and style of O. Březina]. *Naše řeč*. 52-1. pp. 1-10.

Kšicová, D. (2001) *Z dějin rusko-českých literárních vztahů: K. D. Balmont. Duše Českých zemí v slovech a činech* [The history of Russian-Czech Literary Relations: K. D. Balmont. The soul of the Czech lands in words and deeds]. Brno: Masarykova univerzita.

Kuthanová, M. (2007) Imaginace prostoru v Březinově poezii [Imagination space in Březina's poetry]. *Svět literatury*. XVII(35) pp. 126-138.

Pohorský, M. (2004) Visuté zahrady metaphor, extázi a snů [The metaphor of hanging Gardens, ecstasy and dreams]. In: Březina, O. *Tajemné dálky* [Mysterious distance]. Blansko. pp. 107-114.

Solovyov, V.S. (1994) *Chteniya o Bogochelovechestve. Statyi. Stikhotvoreniya i poema. „Iz treh razgovorov“* [Reading about the God-mankind. Articles. Poetry and the poem. From three conversations]. St. Petersburg: Literatura.

Whitehead, A.N. (1985) *Symbolism, Its Meaning and Effect. Barbour-Page Lectures, University of Virginia 1927*. New York: Fordham University Press.

Корычанкова Симона – Ph.D. of Philology, Mgr., зав. кафедрой русского языка и литературы педагогического факультета Университета им. Масарика.

Korychankova Simona – Ph.D. of Philology, Mgr., Head of Department of Russian Language and Literature, Faculty of Education, Masaryk University.

E-mail: korycankova@ped.muni.cz

Крюкова Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Kryukova Larisa – Ph.D. of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language Philological Faculty, National Research Tomsk State University.

E-mail: lar-kryukova@yandex.ru